

Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX — начала XX в.*

Т. В. Чумакова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Чумакова Т. В. Инфосфера духовных учебных заведения Российской империи XIX — начала XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 2. С. 264–274. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.210>

Статья посвящена новому направлению в российском религиоведении — исследованию инфосферы религиозных институций. Под инфосферой в данном случае понимается совокупность различных институций и информационных ресурсов, а также обеспечивающих ее развитие каналов научных коммуникаций различной природы. Мы при этом опираемся на работы одного из создателей современной философии информации Лучиано Флориди, который создал неологизм «инфосфера» по образцу понятия «биосфера» и ввел его в научный оборот в середине 90-х годов XX в. в контексте изучения новой информационной реальности. В данной работе рассматривается небольшой сегмент исследований инфосферы — изучение инфосферы православных духовных учебных заведений Российской империи XIX — начала XX в. Анализируются основные методологические подходы к исследованию ноосферы семинарий и духовных академий, историография и источники. Масштабность поставленных задач требует и привлечения большого спектра источников. Это разнообразные письменные источники, как печатные, так и рукописные; описания библиотечных коллекций семинарий и духовных академий, каталоги библиотек преподавателей духовных образовательных учреждений. Также ценным источником сведений об инфосфере духовных учебных заведений являются записи лекций, журналы конференций духовных академий и заседаний академических советов, переписка и мемуары. Анализ контента периодических изданий позволяет реконструировать информационное поле преподавателей и учащихся духовных учебных заведений Российской империи. Это также дает возможность провести комплексное исследование круга чтения представителей духовного сословия, которое играло огромную роль в культуре России досоветского периода.

Ключевые слова: инфосфера, интеллектуальная история, религиозное образование, русская культура, Российская империя, религиоведение, психология религии, религиозная философия.

Инфосфера — термин, который используется в современной философии информации и философии коммуникации. Лучиано Флориди в своих работах отмечает, что инфосфера — это неологизм, построенный по образцу «биосферы», который он ввел в середине 1990-х гг. в контексте исследований, направленных на анализ новой среды, в которой работают различные компоненты информационного

---

* Подготовлено при поддержке гранта РНФ № 22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведения Российской империи XIX — нач. XX вв.».

общества. В философии информации инфосфера рассматривается как смысловое пространство, состоящее из совокупности документов, агентов и их операций. Под документами при этом понимаются все виды данных, информации и знаний, закодированные и реализованные в любом семиотическом формате без каких-либо ограничений по размеру, типу или синтаксической структуре [1]. Современные исследования инфосферы, как отмечают ученые [2], фокусируются не только на изучении гипертекстов, существующих в пространстве интернета, как это было вначале, но и на анализе источников различного происхождения: вербальных источников, теле- и радиопередач, а также библиотечных собраний, изучение которых необычайно сложно, поскольку семиотические связи, пронизывающие их историю, запутаны и сложны и напоминают ризому. Умберто Эко писал, что лучший образ сети дает растительная метафора ризомы, предложенная Делезом и Гваттари (1976). Ризома — это клубок луковиц и клубней, выглядящий как «крысы, извивающиеся друг на друге». Характеристики ризоматической структуры следующие: (а) каждая точка ризомы может и должна быть соединена с любой другой точкой; (б) в ризоме нет точек или положений, есть только линии (эта особенность сомнительна: пересекающиеся линии образуют точки); (с) ризома может быть разорвана в любой точке и снова соединена [3, p. 81].

Философский дискурс библиотек возник едва ли не одновременно с появлением самого феномена библиотеки и в европейской культуре вновь актуализировался в XVI в., и тут можно вспомнить трактат Юста Липсия (1547–1606) «О библиотеках» (лат. «De bibliothecis syntagma») [4], но исследования психологических и когнитивных аспектов книговедения стало возможно только с появлением междисциплинарного подхода и развития новых методологических подходов в гуманитарных науках [5]. Изучение каналов интеллектуальной коммуникации, психологии и антропологии книги способствовало возникновению концепции библиопсихологии, разработкой которой занимался Николай Рубакин (1862–1946), библиограф, просветитель, энциклопедист и активный деятель библиотечного движения Российской империи конца XIX — начала XX в. [6]. Идеи Рубакина повлияли на развитие современных подходов к исследованию социальной эпистемологии через изучение круга чтения, а также на современную философию коммуникации [7]. Надо отметить, что науки, изучавшие общество через анализ книг и библиотек (библиопсихология, библиосоциология), в начале 20-х гг. XX в. вызвали большой интерес в нашей стране [8, с. 17], а работы Н. А. Рубакина, который из-за своей революционной деятельности был вынужден покинуть страну после революции 1905 г. и до конца жизни жил в Швейцарии, оказали большое влияние не только на западное, но и на советское библиотековедение (библиопсихология преподавалась в профильных высших учебных заведениях СССР), и даже на стратегию популяризации науки в СССР в раннесоветский период [9]. Методологический инструментарий философии коммуникации (на которую, как отмечено выше, повлияла библиопсихология Рубакина) может быть полезным при изучении инфосферы религиозных учебных заведений Российской империи. Философия коммуникации предполагает скрупулезный анализ конкретных исторических реалий и акцентирует внимание на анализе научного дискурса, характерного для данного коммуникативного момента [10]. Исследователи, работающие в русле этой философской дисциплины, а также философии науки, стремящиеся понять развитие знания как

социокультурный процесс, активно используют подходы, выработанные в рамках социальной эпистемологии [11], которая может применяться при изучении стратегий формирования знания в субкультурах, и в частности в среде православного священства XIX в. Исследование субкультур прошлых столетий достаточно эффективно реализуется в рамках такого направления научных исследований, как «интеллектуальная история», большой теоретический вклад в популяризацию этого метода в российской науке принадлежит Л. П. Репиной [12]. При исследовании инфосферы религиозных институций прошедших столетий метод интеллектуальной истории может использоваться в сочетании с методами социокультурного контекстуального анализа и историографического описания. Акцент при этом необходимо сделать на методах микроисторического исследования и изучения «локальных историй» (как кусочков «ризомы» инфосферы). В качестве примера подобного исследования можно привести работу Г. Фриза «Открывая заново православное прошлое: микроисторический подход к религиозной практике» [13]. Скрупулезный анализ источников, в том числе текстологический анализ, является необходимой составной частью такой работы.

Заканчивая обзор современных подходов к изучению инфосферы, нужно отметить, что российские исследователи также предлагают свои подходы к изучению инфосферы. Так, рядом исследователей разрабатывается теория документальной информации (Е. А. Плешкевич и др.), целью которой является «создание единого теоретико-методологического пространства, позволяющего свести разные формы и виды документальных форм к единому знаменателю, хотя бы на теоретическом уровне» [14, с. 22].

Работы, посвященные исследованию инфосферы — т. е. совокупности институций и информационных ресурсов различного происхождения, а также каналов научных коммуникаций, включая вербальную коммуникацию, обеспечивающих ее рост и развитие, — православных духовных учебных заведений Российской империи отсутствуют, но поскольку проект комплексный и междисциплинарный, он распадается на несколько проблемных полей: изучение духовного образования в целом (его основные цели согласно уставам и проч.), изучение библиотек и библиотек духовных учебных заведений, изучение периодических изданий, исследование круга чтения в рамках истории чтения, изучение влияния на российскую духовную школу философии и литературы, психология религии в России XIX–XX вв., изучение социокультурного облика российского духовенства XIX — начала XX в.

До конца XX столетия в поисках информации о семинариях и духовных академиях России мы чаще всего обращались к фундаментальным дореволюционным трудам М. Р. Богословского, Н. Н. Глубоковского, С. Т. Голубева, К. Дьяконова, П. В. Знаменского, Макария (Булгакова), С. К. Смирнова, Б. В. Титлинова, Ф. Титова, И. Чистовича и др. Но в последнюю четверть века произошел огромный скачок в исследовании духовного образования в Российской империи. Литературы по этой теме выходит достаточно много, это и микроисторические исследования, посвященные изучению истории конкретных семинарий или духовных академий и системы образования в целом. Во-первых, необходимо упомянуть работы Н. Ю. Суховой, которая является крупнейшим специалистом по данной теме, а во-вторых, исследования, в которых семинарская/академическая жизнь рассматривается комплексно, с учетом социокультурного контекста (В. А. Тарасова «Высшая духовная

школа России в конце XIX — начале XX века: история императорских православных духовных академий», А. И. Мраморнов «Духовная семинария в России начала XX века: кризис и возможности его преодоления (На саратовских материалах)», Серафим (Амельченков) «Богословское образование в России: Смоленская духовная семинария: исторический очерк, 1728–2008» и др.).

Проблеме исследования библиотек православных духовных заведений в России и библиотекам священников посвящены работы А. В. Мангилевой («Книжная культура провинциального духовенства второй половины XIX — начала XX в.: история библиотеки протоиерея Е. А. Попова»), которая также является автором фундаментального исследования «Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX — начале XX в.», Н. В. Елизаровой, Т. Г. Леонтьевой, О. Д. Поповой, С. П. Фунтиковой, В. Малышева, Н. А. Мурашовой и др. Однако стоит отметить, что в большинстве исследований идет речь о библиотеках Сибири и Дальнего Востока. Более того, как правило, изучением библиотек духовных школ занимаются специалисты библиотечного дела, и эти работы очень ценны благодаря наличию конкретного материала, который можно использовать в данном исследовании. В рамках такого направления, как «история чтения», рассматривается круг чтения, и эта тема традиционно привлекает внимание филологов, изучающих творчество русских писателей либо благодаря сохранившимся библиотекам, либо реконструируя этот круг чтения на основании текстологического анализа произведений. Из статей последних лет необходимо упомянуть работу «Круг чтения учащихся духовных школ в первой половине XIX в.» А. В. Мангилевой, а также публикации А. Л. Беглова, и в первую очередь его статью «Один день православного семинариста: повседневная жизнь российских семинарий во второй половине XIX — начале XX вв. по воспоминаниям современников», статью Е. Кустовой «Герцен в киоте» и др.

В данном контексте большое значение приобретает изучение периодической печати духовных школ Российской империи. Стали защищаться диссертации, выходить статьи и монографии, посвященные церковной периодической печати. Тут можно выделить публикации К. Е. Нетужилова, в частности его монографию «Церковная периодическая печать в России XIX столетия».

Изучение влияния на российскую духовную школу философии и литературы достаточно давно является предметом интереса исследователей, и поэтому мы не будем рассматривать всю литературу XX–XXI вв., а коснемся только современных исследований. За последние полтора десятилетия появилось некоторое число очень качественных работ, посвященных влиянию западной богословской традиции на русское богословие. Это работы М. Корзо, Ю. Шустовой, которые в основном ограничиваются изучением источников XVII–XVIII вв. и др. Нельзя не упомянуть работы Людмилы Шариповой [15] и Андрея Иванова [16], которые очень важны для нас в методологическом плане. А также статьи и монографии П. Хондзинского, в том числе его работа, посвященная митрополиту Филарету.

Социокультурный облик духовенства стал привлекать исследователей уже с XIX столетия, но одной из центральных тем историографии истории русской православной церкви он стал только в конце XX в. благодаря микроисторическому подходу. И здесь необходимо вспомнить труды Г. Фриза, которые оказали большое влияние на микроисторические исследования жизни духовенства Российской

империи, а также монографии Лоры Манчестер «Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России» [17], Т. Г. Леонтьевой «Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX в.», А. И. Конюченко «Православное духовенство России во второй половине XIX начале XX века», А. В. Скутнева «Православное духовенство на закате империи» и др.

Библиотеки играли ключевую роль в духовном образовании с XVII в., когда царская династия Романовых начала строительство «нового мира». Одной из важных составляющих этого идеального государства должна была стать система религиозного дисциплинирования [18], построить которую было невозможно без создания системы религиозного образования. Исследователи отмечают, что духовные учебные заведения в Российской империи «создавались по модели западноевропейских коллегий и обычно имели следующие классы... а) начальные: инфима и фара (или аналогия), позже объединенные в информаторию. Затем два грамматических класса: низший (собственно класс грамматики) и высший (синтаксима, или синтаксический класс). В задачу начальных классов входило подготовить учеников к восприятию наук, т. е. научить латыни; б) средние классы — класс пиитики (в разных семинариях в разное время мог присутствовать или отсутствовать) и класс риторики; в) высшие классы — философии и богословия» [19, с. 318]. По мнению исследователей, к началу XIX в. число учащихся этих школ достигало 3000 человек. Это были школы разного уровня, юридический статус, задачи и принципы работы которых закреплялись в законах Российской империи, начиная с «Духовного регламента», который и определил обязательность библиотек в учебных заведениях (книги были дороги, и потому епископ должен был предоставлять для духовной школы книги из своей библиотеки). Надо сказать, что данное требование и позже фигурировало в императорских указах относительно устройства семинарий: «... сего 1738 года сентября 21 дня данного Синоду указу повелевается вам в начале при том Троицком Сергиевом монастыре немедленно выбрать пристойное место завести семинарию... для обучения латинского, греческого и если возможно и еврейского языков, начав от грамматики даже до риторики философии и богословия с таким добрым основанием как в Духовном Регламенте о домах училищных показано. По архитектуре и при ней церковь Святую и школы с каменной палатой где библиотека содержится быть имеет» [20, с. 238]. Анализ рукописных каталогов этих библиотек, и в частности библиотеки Вифанской духовной семинарии, показывает, что в XVIII в. они включали в свой состав преимущественно книги на латинском языке, как печатные, так и рукописные. Рукописные копии книг, этот своеобразный «самиздат», были достаточно широко распространены в России XVIII–XIX вв. и являлись важным средством социальной коммуникации [21]. Позже состав библиотек менялся, появилось больше книг на русском, немецком и других иностранных языках. Библиотеки «духовного ведомства» в Российской империи формировались из разных источников, в допетровский период крупнейшими книжными собраниями владели монастыри, и также существовала длительная традиция епископских библиотек, которая, без сомнения, возникла вместе с появлением церковных структур на землях восточных славян в X в. Иконников отмечал, что «Митрополиты-греки и другие лица, приходившие с Востока, без сомнения, приносили с собою не мало ценных книг» [22, с. 87]. Самой большой библиотекой до синодального

периода была патриаршая библиотека, которая пополнялась не только благодаря передаче рукописей и книг из монастырских собраний, но и за счет личных средств патриархов, а также благодаря включению в ее состав библиотек духовных деятелей и дипломатов. После реформы Петра Первого она была преобразована в Синодальную библиотеку и стала доступной для церковных и светских ученых. Библиотеки четырех духовных академий Российской империи: Московской, Киевской, Санкт-Петербургской и Казанской, а также многочисленные семинарские библиотеки пополнялись из разных источников, и история формирования их коллекций отражает историю самих этих учебных заведений и их преподавателей, библиотеки которых иногда передавались в их фонды. Так, одной из самых интересных для исследователей русской религиозно-философской традиции XVIII–XIX вв. является библиотека Новгородской семинарии, основой которой стала библиотека Феофана Прокоповича [23, с. 190].

Библиотеки православных духовных заведений России того времени зачастую не уступали фондам публичных библиотек. Исследование инфосферы духовных школ открывает возможность анализа ценностей, на передачу и развитие которых они были направлены, а также позволяет взглянуть на то, как духовные школы подходили к вопросам религиозного многообразия, преобразований в светском обществе, церковно-общественным темам и т. д. Поскольку в духовных учебных заведениях преподавали и изучали апологетику, преподаватели и учащиеся должны были быть знакомы с вероучением различных конфессий, и в духовных академиях (в частности, в Санкт-Петербургской духовной академии) в XIX в. в составе фундаментальной библиотеки имелись коллекции периодических изданий и книг, издаваемых различными протестантскими и католическими организациями. «Книжные каталоги библиотек позволяют представить типичную структуру книжных собраний. Например, фундаментальная библиотека в Казанской духовной семинарии состояла из следующих разделов: богословие, философия, словесность, история (библейская, церковная, русская церковная, русского раскола, гражданская, русская гражданская), математические науки, естественные науки, языкознание» [24, с. 611].

Таким образом, библиотеки при православных духовных школах не ограничивались лишь православными богословскими сочинениями, и круг чтения был направлен не только на воспитание учащихся в православной традиции, но и на развитие в них способности ориентироваться в сложном поликонфессиональном мире. Изменение книжного репертуара семинарских и академических библиотек отражало социокультурную динамику империи. Социальный статус духовенства к концу XIX в. значительно изменился. Для XVIII — первой половины XIX в. был характерен процесс «субкультурализации» священнического сословия, усиленный политикой государства, стремившегося отделить сакральное от профанного, благодаря чему в стране фактически были созданы параллельные структуры, которые «дублировали деятельность государственных институтов, тем самым отделяя ее от них. Так, у Церкви имелся свой аппарат цензуры... собственные духовные училища... собственные духовные суды... и собственный светский бюрократический аппарат» [25, с. 27]. Современник писал: «Семинарии прививают своим воспитанникам особый взгляд на мир, на жизнь, на светское общество, приучают к особому роду мышления, к особому слову, к особым внешним приемам» [26, с. 14]. Одним из последствий подобного «отделения» духовенства стали мощные антиклериче-

кальные настроения не только в народной среде, но и среди элиты и интеллектуалов [27]. При этом «духовенство смотрело на себя как на пастырей и учителей, от которых зависело спасение людей; оно считало себя привилегированным сословием и претендовало на социальный статус, равный дворянскому» [28, с. 102]. Сложность и неоднозначность субкультуры российского духовенства нашла яркое отражение в публицистике и художественной прозе Н. С. Лескова, отразившей не только личные впечатления и переживания писателя, но и споры о роли и месте духовенства в отечественной культуре в публицистике XIX в. [29].

Эпоха Великих реформ, наступившая в 1860-е гг., дала представителям духовного сословия надежду на глобальные перемены как в приходской жизни, так и в интеллектуальной. Выпускникам семинарий было позволено поступать в университеты, и число «поповичей в миру» [17] значительно выросло, а реформы духовной школы кардинально изменили уровень подготовки выпускников, которые теперь могли, как и выпускники университетов Российской империи, продолжать обучение за рубежом. Благодаря этому резко вырос уровень подготовки выпускников, а интерес к светской культуре у них усилился, что, в свою очередь, способствовало расширению профессиональных возможностей выпускников духовных учебных заведений и их интеграции в светском обществе. Благодаря этому «поповичи сыграли огромную роль в общественно-политическом развитии пореформенной эпохи» [17, с. 384]. Новые веяния отразились и на библиотечных фондах учебных заведений: в библиотеках духовных академий в конце XIX в. появились книги не только богословского, дидактического, религиозно-философского плана, но и работы публицистов либерального, и даже революционного-демократического толка. Так, из материалов проверки студенческой библиотеки МДА мы знаем, что в ней были обнаружены и изъяты сочинения Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Н. С. Лескова, Д. И. Писарева, Н. Г. Помяловского, а также книги Э. Золя и работы Г. Спенсера. [30, с. 33]. И академическое, и семинарское руководство не приветствовало чтение подобной литературы. «В. Яхонтов в своих мемуарах, когда описывает обстоятельства своего исключения из духовной семинарии, отмечает, что инспектор Потоцкий одним из самых его серьезных проступков назвал увлечение светской литературой: “Он светские книги читал, да еще какие, самые крамольные журналы!”» [31, с. 29]. Но все же светской литературы было немало, поскольку комплектовались эти библиотеки в том числе и на средства студентов и добровольных пожертвований, а иногда студенческие библиотеки, в отличие от фундаментальных семинарских библиотек (которые порой были почти недоступны «для воспитанников» [32, с. 8]), и вовсе возникали из «нелегальных» студенческих библиотек, которые постепенно приобретали официальный или полуофициальный статус [32]. Даже на этих небольших примерах мы видим, что книжный репертуар фундаментальных и студенческих библиотек отражал те изменения, которые происходили в отечественной культуре XIX — начала XX в., и, таким образом, изучение инфосферы православных учебных заведений Российской империи является эффективным инструментом для анализа трансформаций отечественного историко-культурного наследия в целом и истории отечественной религиозно-философской и богословской мысли в частности.

Литература

1. Floridi, L. (2014), *The fourth revolution: How the infosphere is reshaping human reality*. Oxford: Oxford University Press.
2. Van der Veer Martens, B. (2015), An Illustrated Introduction to the Infosphere, *Library Trends*, 63, no. 3, pp. 317–361.
3. Eco, U. (1984), *Semiotics and Philosophy of Language*, The MacMillan Press Ltd.
4. Walker, T. D. (1991), Justus Lipsius and the Historiography of Libraries, *Libraries & Culture*, vol. 26, iss. 1, pp. 49–65.
5. Киселева, М. С. (2016), Гуманитарные исследования и проективность: дисциплинарные и междисциплинарные стратегии знания, *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*, т. 158, кн. 4, с. 1163–1172.
6. Stuart, M. (1998), “The Ennobling Illusion”: The Public Library Movement in Late Imperial Russia, *The Slavonic and East European Review*, vol. 76, no. 3, pp. 401–440.
7. Tsvetkova, M. (2016), Conflicts with the reading and their decisions through the bibliopsychology, *International Journal of Media and Information Literacy*, vol. 1, no. 2, pp. 128–145.
8. Сомов, Н. М. (1927) *Карта знаний (новая классификация наук)*, М.: Типография Мосполиграф.
9. Andrews, J. T. (1989), N. A. Rubakin and the Popularization of Science in the Post-October Period, *Russian History*, vol. 16, no. 1, pp. 9–29.
10. Arnett, R. C. (2010), Defining Philosophy of Communication: Difference and Identity, *Qualitative Research Reports in Communication*, vol. 11, no. 1, pp. 57–62.
11. Касавин, И. Т. (2013), *Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы*, М.: Альфа-М.
12. Репина, Л. П. (2011), *Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика*, М.: Круг.
13. Фриз, Г. Л. (2007), Открывая заново православное прошлое: микроисторический подход к религиозной практике в имперской России, в: *Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография*, СПб.: Нестор история, с. 369–395.
14. Плешкевич, Е. А., (2011), Теория документальной информации: библиотечно-книговедческий аспект (постановка проблемы), *Библиотековедение*, № 3, с. 22–27.
15. Charipova, L. (2006), *Latin Books and the Eastern Orthodox Clerical Elite in Kiev, 1632–1780*, Manchester: Manchester University Press.
16. Ivanov, A. (2020), *A Spiritual Revolution: The Impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia, 1700–1825*, Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press.
17. Манчестер, Л (2015), *Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России*, М.: Новое литературное обозрение.
18. Живов, В. М. (2012), Два этапа дисциплинарной революции в России XVII и XVIII столетия, *Cahiers du monde russe*, vol. 53, no. 2–3. <https://doi.org/10.4000/monderusse.9386>. URL: <http://journals.openedition.org/monderusse/9386> (дата обращения: 25.03.2021).
19. Кислова, Е. (2015), Латынь и «словенский» в начальном образовании детей духовенства XVIII в., *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, vol. 60, iss. 2, pp. 315–329.
20. Пичугин, П. В. (2009), Духовные семинарии и их библиотеки в истории отечественного просвещения (XVIII в.), *Ученые записки Российского государственного социального университета*, № 2 (65), с. 237–240.
21. Рейтблат, А. И. (2014), Письменная литература в России в XIX веке, ее социокультурные функции и читатели, в: Rebecchini, D. and Vassena, R. (eds), *Reading in Russia. Practices of Reading and Literary Communication*, Milano: Ledizioni, с. 79–97.
22. Иконников, В. С. (1892), Опыт русской историографии, Киев: Тип. Императорского университета св. Владимира, т. 1, кн. 2.
23. Салоников, Н. В. (2004), *Библиотека Новгородской духовной семинарии: состав и история формирования*: дис. ... канд. ист. наук, Великий Новгород.
24. Попова, О. Д. (2018), Читательский интерес семинаристов в период общественного подъема во второй половине XIX — начале XX века, *Обсерватория культуры*, т. 15, № 5, с. 608–620.
25. Фриз, Г. Л. (2019), «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: сборник статей, СПб.: Изд-во Европейского ун-та.
26. Ростиславов, Д. И. (1866), *О православном белом и черном духовенстве в России*, в 2 т., т. 2, Лейпциг: Франц Вагнер.

27. Freeze, G. (1983), A Case of Stunted Anticlericalism: Clergy and Society in Imperial Russia, *European Studies Review*, vol. 13, no. 2, pp. 177–200.
28. Миронов, Б. Н. (1999), *Социальная история России*, т. 1, СПб.: Дмитрий Буланин.
29. Лукашевич, М. (2019), «Я не враг Церкви, а ее друг... и уверенный православный»: церковная проблематика в публицистике Николая Лескова, Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
30. Тарасова, В. А. (2005), *Высшая духовная школа России в конце XIX — начале XX века: история императорских православных духовных академий*, М.: Новый хронограф.
31. Попова, О. Д. (2021), Трансформация духовных семинарий в ходе модернизационных процессов второй половины XIX — начала XX века в аспекте социальной мобильности, *Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина*, № 2 (71), с. 25–36.
32. Богословский, И. А. (1921), *Из материалов по истории подпольной библиотеки и тайного кружка Владимирской семинарии*, Кострома: Костромское научное общество по изучению местного края.

Статья поступила в редакцию 2 сентября 2021 г.;
рекомендована к печати 5 апреля 2022 г.

Контактная информация:

Чумакова Татьяна Витаутасовна — д-р филос. наук, проф.; t.chumakova@spbu.ru

The infosphere of theological schools of the Russian Empire in the 19th — early 20th century*

T. V. Chumakova

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Chumakova T. V. The infosphere of theological schools of the Russian Empire in the 19th — early 20th century. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2022, vol. 38, issue 2, pp. 264–274. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.210> (In Russian)

The article explores a field quite new for Russian religious studies: research into the infosphere of religious institutions. In our case, the term “infosphere” defines a totality of institutions and informational resources of various origin, as well as channels of research communications, including verbal communication, those providing the development of this infosphere. At that, we rely on works by one of the creators of contemporary philosophy of information Luciano Floridi, who built that neologism according to the pattern of the term “biosphere” and put it in the research circulation in the mid 1990s, in the context of studying the new informational reality. In this work, we consider a small segment of the research of infosphere: studying the infosphere of the Orthodox theological schools of the Russian Empire of the nineteenth and early twentieth centuries. We analyze the main methodological approaches to studying the noosphere of seminaries and theological academies, the historiography, and the sources of that topic. The scale of the tasks requires the involvement of a wide range of sources. There are various written materials, both printed matters and manuscripts. There are catalogues of libraries collected in seminaries and theological academies, lists of personal libraries of teachers of theological educational institutions. Another valuable source of data on the infosphere of theological schools is a variety of notes and plans of lectures, journals of meetings of councils and conferences organized in the theological academies, correspondence, and memoirs. Analysis

---

* This article is out output from the project 22-28-00862 of the Russian Science Foundation “The infosphere of theological schools of the Russian Empire in the 19th — early 20th century”.

of the content of periodicals makes it possible to reconstruct the informational field of teachers and students of theological educational institutions of the Russian Empire. It allows us to make a complex research of the circle of reading of representatives of the clergy, which played a significant role in the Russian culture of the pre-Soviet period.

Keywords: infosphere, intellectual history, religious education, Russian culture, Russian Empire, religious studies, psychology of religion, religious philosophy.

References

1. Floridi, L. (2014), *The fourth revolution: How the infosphere is reshaping human reality*. Oxford: Oxford University Press.
2. Van der Veer Martens, B. (2015), An Illustrated Introduction to the Infosphere, *Library Trends*, 63, no. 3, pp. 317–361.
3. Eco, U. (1984), *Semiotics and Philosophy of Language*, The MacMillan Press Ltd.
4. Walker, T.D. (1991), Justus Lipsius and the Historiography of Libraries, *Libraries & Culture*, vol. 26, iss. 1, pp. 49–65.
5. Kiseleva, M.S. (2016), Humanitarian research and projectivity: disciplinary and interdisciplinary knowledge strategies, *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, vol. 158, book 4, pp. 1163–1172. (In Russian).
6. Stuart, M. (1998), “The Ennobling Illusion”: The Public Library Movement in Late Imperial Russia, *The Slavonic and East European Review*, vol. 76, no. 3, pp. 401–440.
7. Tsvetkova, M. (2016), Conflicts with the reading and their decisions through the bibliopsychology, *International Journal of Media and Information Literacy*, vol. 1, no. 2, pp. 128–145.
8. Somov, N.M. (1927), *Map of Knowledge (new classification of Sciences)*, Moscow: Tipografia Mospoligraf Publ. (In Russian).
9. Andrews, J. T. (1989), N. A. Rubakin and the Popularization of Science in the Post-October Period, *Russian History*, vol. 16, no. 1, pp. 9–29.
10. Arnett, R. C. (2010), Defining Philosophy of Communication: Difference and Identity, *Qualitative Research Reports in Communication*, vol. 11, no. 1, pp. 57–62.
11. Kasavin, I. T. (2013), *Social Epistemology. Fundamental and Applied Problems*, Moscow: Alfa-M Publ. (In Russian).
12. Repina, L. P. (2011), *Historical science at the turn of the 20th–21st centuries: social theories and historiographical practice*, Moscow: Krug Publ. (In Russian)
13. Freeze, G. L. (2007) Revealing the Orthodox past: a microhistorical approach to the Religious practice in the imperial Russia, in: *Change of paradigms: modern Russian studies. Sources, research, historiography*, Saint-Petersburg: Nestor Istorii Publ., pp. 369–395. (In Russian)
14. Pleshkevich, E. A. (2011), Theory of documentary information: library and book-related aspect (problem statement), *Bibliotekovedenie*, no. 3, pp. 22–27. (In Russian)
15. Charipova, L. (2006), *Latin Books and the Eastern Orthodox Clerical Elite in Kiev, 1632–1780*, Manchester: Manchester University Press.
16. Ivanov, A. (2020), *A Spiritual Revolution: The Impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia, 1700–1825*, Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press.
17. Manchester, L. (2015), *Priests sons in the world: the clergy, the intelligentsia and the formation of modern identity in Russia*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
18. Zivov, V.M. (2012), Two stages of the disciplinary revolution in Russia of the XVII and XVIII centuries, *Cahiers du monde russe*, vol. 53, no. 2–3, available at <http://journals.openedition.org/monderusse/9386>. (accessed: 25.03.2021) (In Russian)
19. Kislova, E. (2015), Latin and “Slovene” in the primary education of children of the clergy of the XVIII century, *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, vol. 60, iss. 2, pp. 315–329. (In Russian)
20. Pichugin, P. V. (2009), Theological seminaries and their libraries in the history of the national enlightenment (XVIII century), *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*, no. 2 (65), pp. 237–240. (In Russian)
21. Rejtblat, A.I. (2014), Handwritten Literature in Nineteenth-Century Russia: its Social-Cultural Functions and Readership, in: *Rebecchini, D. and Vassena, R. (eds), Reading in Russia. Practices of Reading and Literary Communication*, Milano: Ledizioni, pp. 79–97. (In Russian)

22. Ikonnikov, V. S. (1892) *The experience of Russian historiography*, Kyiv: Tip. Imperatorskogo universiteta sv. Vladimira, vol. 2, book 1. (In Russian)
23. Salonikov, N. V. (2004), *The Library of the Novgorod Theological Seminary: Composition and History of Formation*, PhD thesis, Veliky Novgorod. (In Russian)
24. Popova, O. D. (2018), The Reader's Interest of Seminarians during the Period of Social Rise in the Second Half of the 19th — Early 20th Century, *Observatory of Culture*, vol. 15, no. 5, pp. 608–620. (In Russian)
25. Freeze, G. L. (2019), «Fatal piety»: *Russian Church and the fall of the Empire: collection of articles*. St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta Publ. (In Russian)
26. Rostislavov, D. I. (1866), *On the Orthodox White and black clergy in Russia*, in 2 vols., vol. 2, Leipzig: Franz Wagner. (In Russian)
27. Freeze, G. (1983), A Case of Stunted Anticlericalism: Clergy and Society in Imperial Russia, *European Studies Review*, vol. 13, no. 2, pp. 177–200.
28. Mironov, B. N. (1999), *Social History of Russia*, vol. 1. St Petersburg: Dmitry Bulanin Publ. (In Russian)
29. Lukashevich, M. (2019), “I am not an enemy of the Church, but her friend... and a confident Orthodox”: *Church Problems in Nikolai Leskov's Journalism*, Warszawa, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego. (In Russian)
30. Tarasova, V. A. (2005), *The Higher Theological School of Russia in the late 19th — early 20th century: the History of the Imperial Orthodox Theological Academies*. Moscow: Novyi khronograf Publ. (In Russian)
31. Popova, O. D. (2021), The Transformation of Ecclesiastical Seminaries against the Background of Educational Reforms of the Second Half of the 19th Century — Early 20th Century through the Prism of Social Mobility, *Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, no. 2 (71), pp. 25–36. (In Russian)
32. Bogoslovskij, I. A. (1921), *From the materials on the history of the underground library and the secret circle of the Vladimir seminary*, Kostroma: Kostromskoe nauchnoe obshchestvo po izucheniiu mestnogo kraia Publ. (In Russian)

Received: September 2, 2021

Accepted: April 5, 2022

Author's information:

Tatiana V. Chumakova — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; t.chumakova@spbu.ru